

Семенова Елена Александровна
Elena Semenova

кандидат педагогических наук, докторант, научный сотрудник Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Институт художественного образования и культурологии» Российской Академии Образования.

PhD (the pedagogical sciences), doctoral student, the research fellow of the Federal State Budget Research Institution «Institute of Art Education and Cultural Studies of the Russian Academy of Education».

E-mail: semenova05@list.ru

КЛОУН В КЛОУНАДЕ (ВЗГЛЯД Л.С. ВЫГОТСКОГО НА «КРИЗИС СЕМИ ЛЕТ»).

**The Clown in the clown show
(Opinion of L.S. Vygotsky on «The Crisis of the seven years»).**

Ключевые слова: юмористическая рефлексия, карнавальная рефлексия, антиповедение, кризис семи лет, кризис клоуна, дефектология, психология искусства, карнавальные формы искусства, карнавальное поведение, клоунская маска, мета-нормативное поведение, аномальный ребенок, нормальный ребенок, трикстер, постмодернизм, комическое, смеховой статус, Шут, дошкольники, Л.С. Выготский.

Key words: humorous reflection, carnival reflection, the misbehavior, the crisis of seven years, the crisis clown, defectology, psychology of art, carnival art forms, carnival behavior, clown mask, meta-normative behavior, abnormal child, the normal child, the trickster, postmodernism, comic, humorous status, Jester, preschoolers, L. S. Vygotsky.

Аннотация: На страницах статьи автор сравнивает кризис семи лет в условиях современного общества, со взглядом Л.С. Выготского как дефектолога на этот феномен в начале 20 века. Проблема форсирования естественной детской карнавальной активности взрослым сообществом современного карнавализованного мира представляется автору данной статьи актуальной серьезной психолого-педагогической проблемой, в том числе и проблемой сегодняшней дефектологии. По мнению автора, клоунада, (может быть внешне и ложная, немотивированная), изначально предназначенная природой справляться ребенку с новыми для него рефлексивными новообразованиями с помощью парадоксальных средств, в обществе потребления начинает выполнять совершенно иные функции. Карнавал в 21 веке становится отдельным, культивируемым, тренируемым мускулом на теле общества, культуры, досуга, мышления, в том числе, это относится и к ребенку.

Abstract: On the pages of the article author compares the crisis of seven years in the conditions of modern society, with the view of L. S. Vygotsky as a speech pathologist at this phenomenon in the early 20th century. The problem of speeding up natural children's carnival activity by adult community modern carnival world is represented to the author as actual serious psychological and pedagogical problem,

including the problem of speech. According to the author, clowning, (may be externally and false, unmotivated), is originally designed by child's nature to cope with new reflective neoplasms with paradoxical means, in a consumer society it begins to perform completely different functions. Carnival in the 21st century becomes a separate, cultivate, train muscle on the body of society, culture, leisure, thinking, in particular, this applies to the child.

...отпечаток трагизма несмываем с процессов детского роста и воспитания, и вхождение ребенка в жизнь было и остается всегда процессом болезненной ломки и созидания разрывов тканей и их зарождения»
Л.С. Выготский «Колебания в развитии детей».

«...если Вы действительно дошли до последней точки отчаяния и прошли ее, перед Вами открываются просторы радости. Не раньше»
М.М. Мамардашвили

Карнавальная активность всегда относилась к пограничным проявлениям личности, и социум воспринимал ее с определенной долей опасности и благоговения одновременно, и не без основания, так как карнавал – это амбивалентное явление, всегда граничащее с безумием, анти-поведением, девиантностью, мета-нормативностью и гениальностью, выходом за рамки привычного и дозволенного («Не буди лихо, пока тихо»). Яркий пример тому, непредсказуемые деяния шутов, юродивых, трикстеров, гениев, клоунов, уличных артистов. Это как огонь, который и смертельно опасен и притягателен одновременно. Возможно, поэтому «карнавальный потенциал личности» в России до сих пор не сформирован в качестве компонента «личностного потенциала» ни в педагогике, ни в психологии, ни в образовании, ни в искусстве. Тем, не менее, это не помешало карнавалу стать в Европе, символом эпохи постмодернизма, приметы которой мы узнаем повсеместно. На сегодняшний день, термин «карнавал» - один из универсальных, наиболее гибких, толерантных в науке понятий, способный дать толкование не только гуманитарным явлениям, но и физико-математическим, медицинским, социологическим и др. Спасибо, отечественному светилу науки М.М. Бахтину за его исследование по карнавальной культуре, ставшее отправной точкой в области изучения смеховой культуры. Но, возможно, с этого момента началась эра манипулирования личностью и массовым сознанием с помощью технологий карнавализации. Таким образом, М. М. Бахтин ненамеренно, выстлал благими намерениями дорогу в карнавализованное общество, которое стало злоупотреблять карнавальным даром, формализовав это явление, и подчинив его запросам общества потребления.

По нашему мнению, сегодня такое явление как «псевдокарнавализация», наблюдается во всех сферах: от образования и искусства, до питания и отдыха. Р. Генон назвал общество потребления эрой «Зловещего карнавала», Ги Дебор окрестил это же общество «Обществом зрелища» (в другом переводе «Общество спектакля»). С развитием средств коммуникации, масс медиа, интернета, со снижением языковой и культурной обособленностью населения того или иного государства или провинции, все интенсивнее распространяется такое явление, как

насильственная карнавализация детского и молодежного сознания. «Формальной карнавализация» или «синдром карнавализации «общества зрелища» (Ги Дебор)-оказывает отрицательное воздействие на детское психическое, интеллектуальное и творческое развитие. По-сути детская и молодежная субкультуры – две основные группы потенциальных потребителей продуктов «карнавальской культуры», находящиеся в зоне риска.

Еще Л.С. Выготский видел в детской миссии огромный трагизм. Возможно, на это повлияло то, что ученый очень рано стал всматриваться в «неблагополучное» детство. Хотя, его взгляд на аномалии детского развития был самый оптимистичный, творческий. Л.С. Выготский смотрел на детство одновременно с нескольких ракурсов: как дефектолог, психиатр, психолог, и как философ, художник, эстетик и педагог. Это давало ему определенную свободу во взглядах. Возможно, потому исследователь смог сделать столь неожиданные выводы, прийти к революционным открытиям, что постоянно удерживал свое внимание на двух «противоположных» полюсах детства, а именно на детстве «аномальном» и «нормальном» (типическом). Слово «дефективный» Л.С. Выготский старался не применять к ребенку. Ученый употреблял в основном, выражение «ребенок, отягощенный дефектом». Лев Семенович считал, что «дефективным» его делаем мы - общество «здоровых», заранее вешая на него ярлык «калеки». Принципиально у Л.С. Выготского то, что сам аномальный ребенок своего дефекта не чувствует. Слово «дефект» применительно к детям с аномальным развитием, получило в интерпретации Л.С. Выготского совершенно новый смысл.

Исследователь разделял точку зрения К. Бюрклена относительно того, что «предоставленный сам себе, этот биологический процесс образования и накопления особенностей и уклонений от нормального типа (в случае жизни слепого в мире слепых) с неизбежностью привел бы к созданию особой породы людей. Под давлением же социальных требований, одинаковых для слепых и зрячих, развитие этих особенностей складывается так, что структура личности слепого в целом имеет тенденцию к достижению определенного нормального социального типа» [8, с.13].

Д. Родари в книге «Грамматика фантазии» исповедует следующий диалектический закон, который распространяется им буквально на все и звучит он так: «... понятие немисливо без своей противоположности», «... понятие «мягкий» появляется не до и не после появления понятия «жесткий», а одновременно с ним, в процессе их столкновения, который и есть созидание» [20, с.26].

Уникальность Л.С. Выготского как ученого, нам видится в том, что его взгляд на природу детства диалектический, и содержит в себе, то качество амбивалентности (двойственности), которое, в частности присуще, карнавальской природе.

Иначе как же объяснить его пророческие прозрения не только в области дефектологии, но и в других областях науки? Термин «амбивалентность» был введен в психиатрию Эйгеном Блейлером еще в начале 20 века, впервые узко применительно к шизофрении.

По данным современных исследователей Б.М. Бим-Бада и Л.И. Егоровой «амбивалентность» является фундаментальным понятием, которое используется при

анализе и здоровой и больной души... В настоящее время «амбивалентность» предстает как один из законов человеческой природы, а именно – закон одновременности разнохарактерных (часто противоположных) влечений, чувств, мотивов, поступков, ценностей, отношений, ожиданий» [4, с.8].

В.И. Полунин, один из уникальных клоунов-практиков, который считает, что нигде, так как в клоунаде не сконцентрирована карнавальная «энергия» творчества. Всмотриваясь в клоунов и детей, он находит в них родственные души, так характеризуя клоуна: «Я, например, называю клоуна шпионом мира детского среди взрослых. Это один из детей пробравшийся в мир взрослых и пытающийся изъять оттуда какие-то вещи, а какие-то добавить» [23]. Нечто подобное хочется соотнести с личностью Л.С. Выготского.

Ученый совершил революционный переворот в сознании отечественной дефектологии и педологии именно тем, что выдвинул смелую, вполне «карнавальную» по содержанию гипотезу о том, что аномальные дети имеют шансы на полноценное развитие, едва ли, не такие-же, (если не большие), как и нормальные, только развитие их идет обходными путями.«...Самое важное то, что, вместе с органическим дефектом даны силы, тенденции, стремления, к его преодолению или выравниванию. Вот этих тенденций к повышенному развитию и не замечала прежняя дефектология. А между тем именно они придают своеобразие развитию дефективного ребенка; они создают творческие, бесконечно разнообразные, иногда глубоко причудливые формы развития, равных или подобных которых мы не наблюдаем в типическом развитии нормального ребенка» [8, с.11]. Признать это означало поверить в чудо...

Лев Семенович разделял во многом, авангардные для российской науки 30-х годов взгляды зарубежной медицины, например один «согласно которому, единственным критерием здоровья или болезни является целесообразное или нецелесообразное функционирование целого организма, а единичные ненормальности оцениваются лишь постольку, поскольку нормально компенсируются или не компенсируются через другие функции организма» [8, с.15]. Подобный взгляд на «единичные ненормальности» переворачивал привычные для того времени представления о «норме и патологии» в российской психиатрии, делая подвижной и весьма условной границу между самой нормой и отклонением от нее. То есть в интерпретации Л. С. Выготского «норма» и «отклонение» в значительной степени были представлены как сущностный критерий человеческой индивидуальности, к которой подчас неприменимы усредненные, среднестатистические показатели. Это, согласитесь, тоже карнавальная по духу мысль, утверждающая право личности на творческую свободу в своих представлениях о норме.

По мысли Л.С. Выготского общее между личностью, явно отягощенной дефектом, и личностью, внешне здоровой, в том, что и в том, и в другом случае, таланты, способности и задатки развиваются по принципу «сверх компенсации» (термин А. Адлера). «Дефект становится, таким образом, исходной точкой и главной движущей силой психического развития личности» [8, с.11]. Л.С. Выготский разделял мнение А. Адлера о том, что ребенок «будет хотеть все видеть, ...если он

близорук; все слышать, если у него есть налицо затруднение в речи или есть заикание... Противоположность органической недостаточности и желаний, фантазий, снов, т.е. психических стремлений к компенсации, столь всеобъемлюща, что можно на основании ее вывести основной психологический закон о диалектическом превращении органической неполноценности через субъективное чувство неполноценности в психические стремления к компенсации и сверх компенсации» [8, с.11].

Этот же закон действует, по мнению Л.С. Выготского и в искусстве, где художник, по мнению исследователя всегда «из природы недовольных» [11]. Очень созвучную мысль в одном из интервью произнесла Виктория Токарева: «Творчество полноценно тогда, когда видит свои комплексы».

То есть, даже там, где на первый взгляд, все в целом благополучно и с точки зрения физиологии, и психики, и условий среды, тем не менее, даже у самого здорового все же находятся свои индивидуальные особенности, которые могут усложнять, и тем самым индивидуализировать его развитие. Эти особенности могут быть совсем не заметны постороннему глазу, но вызывать бурю внутренних противоречий у личности с самим собой. Сходную мысль высказывал В. Штерн, и Л.С. Выготский передает ее суть в работе «Основные проблемы современной дефектологии», отмечая, что «...частные функции могут представлять отклонение от нормы и все же личность или организм в целом могут принадлежать к совершенно нормальному типу» [8, с.15]. То есть «аномальное» согласно В. Штерну может быть истолковано, как часть нормального.

Например, у детей в возрасте от двух до пяти лет «незнание элементарных закономерностей бытия» служит источником неумеренной энергии, которую малыши направляют на то, чтобы познать мир. Как результат – «лепые нелепицы», которыми дошкольники атакуют взрослое сообщество, изобретение новых слов, философские вопросы и т.д. Обо всем об этом, великолепно пишет К.И. Чуковский в своей чудесной книге «От двух до пяти». К.И. Чуковский приводит многочисленные примеры детского слово-творчества, которое обогащает русский язык, смывая с него налет штампов.

Таким образом, у здоровых детей, со всей яркостью работает тот же механизм, что и у аномальных детей: дефицит порождает «рефлекс цели» (понятие Ч. Дарвина), «если у тебя нет крыльев, то ты обязательно захочешь полететь»... Вся разница в том, что у многих детей с аномальным развитием «крыльев» нет, в буквальном смысле слова, на уровне физиологии, а «летать» они тем не менее, научаются какими-то иными способами. Л.С. Выготский неоднократно писал об этом: «...Мы привыкли к мысли, что человек читает глазами, а говорит ртом, и только великий культурный эксперимент, который показал, что читать можно пальцами и говорить рукой, вскрывает перед нами всю условность и подвижность культурных форм поведения. ...Итак, первое, чему нас учат эти примеры, - «независимость культурной формы поведения от того или иного определенного психофизиологического аппарата [8, с.172]. Л.С. Выготский, таким образом, научно доказывает и экспериментально подтверждает, что тяга к эксцентрике генетически заложена в самой человеческой природе. Достаточно вспомнить цирковых комиков,

которые, например, играют на музыкальных инструментах с закрытыми глазами и при этом стоя на голове.

Л.С. Выготский убедительно обосновал и доказал своими экспериментальными исследованиями, а также, результатами работ своих учеников, что аномальный ребенок «предоставленный самому себе, даже лишенный всякого обучения, ...встает на путь культурного развития»..., «в естественном психологическом развитии ребенка и в окружающей его среде, в потребности общения с этой средой заложены все необходимые данные для того, чтобы осуществилось как бы самовозгорание культурного развития, спонтанный переход ребенка от естественного развития к культурному...культурное развитие есть главная сфера, где возможна компенсация недостаточности. Где невозможно дальнейшее органическое развитие, там безгранично открыт путь культурному развитию» [8, с. 172-173].

Представляется обоснованным, привести цитату Л.С. Выготского о развитии одаренного и умственно отсталого ребенка в условиях «культуры»: «...как культура нивелирует или, вернее, делает историческим природное преодоление органического недоразвития... в отношении культурного развития внутренних средств поведения... должны быть создана такая же техника окольных путей, которая существует и в отношении развития внешних средств культурного поведения. Для умственно отсталого ребенка должно быть создано в отношении развития его высших функций внимания и мышления нечто, напоминающее шрифт Брайля для слепого или дактилологию для немого ребенка, т.е. система обходных путей культурного развития там, где прямые пути отрезаны вследствие дефекта» [8, с.173].

В связи с этим Л.С. Выготский неоднократно писал: «часто бывают нужны особые, специально созданные культурные формы для того, чтобы осуществить культурное развитие дефективного ребенка» [8, с. 23]. Это высказывание Льва Семеновича остается актуальным по отношению и к одаренным детям, и к нормальным.

Вспомним примеры Н.А Бернштейна, которые он приводит в своем фундаментальном труде «Биомеханика и физиология движения», описывая больных, которые справлялись с заданной задачей только при соответствующем подходе: «... Один больной не может поднять руку по приказанию «подними руку», но без затруднения поднимает ее по заданию «сними фуражку»; другой лишен произвольной мимики настолько, что производит впечатление страдающего полным парезом всей лицевой мускулатуры, и в то же время легко и точно выполняет любые произвольные движения губ, носа, век, лба и т.д. в порядке намеренного подражания или по словесному заданию...» [3, с.24-25].

В частности, почти спустя 60 лет после того, как было произнесено Л.С. Выготским это высказывание, в свет выйдет статья О.М. Дьяченко и Н.Е. Вераксы на тему «Элементы «карнавальной культуры» в развитии ребенка-дошкольника», в которой впервые будет затронута тема овладения детьми дошкольного возраста карнавальным содержанием только в карнавальной форме [5].

Сегодня, становится, очевидным то, что когда Лев Семенович занимался

вопросами детской дефектологии, проблемами детского мышления и речи, он уже вглядывался в клоунскую природу ребенка. Свидетельство тому, его наблюдения за «эгоцентрической речью», когда «ребенок как бы думает вслух, но для себя», разговаривает сам с собой, находя в себе самом и оппонента, и собеседника, и зрителя, и своего двойника [8, с.198]. Именно этот аналог клоунского диалога между персонажем и автором увидел Л.С. Выготский в поведении ребенка в возрасте 5-ти, 6-ти лет. В клоунстве такой диалог маски (персонажа) и носителя маски (клоуна-автора) – основной художественный принцип. А вот в психиатрии такое поведение считается отклонением.

Размышления Л.С. Выготского о дифференциации внешней и внутренней жизни ребенка в период кризиса семи лет, так или иначе, затрагивают тему формы и содержания, тему комического. Л.С. Выготский замечал, что «Ребенок и до 7 лет может паясничать, но никто не скажет о нем того, что я сейчас говорю. Почему бросается в глаза такое немотивированное паясничанье? Когда ребенок смотрит на самовар, на поверхности которого получается уродливое изображение, или строит гримасы перед зеркалом, он просто забавляется. Но когда ребенок входит изломанной походкой в комнату, говорит писклявым голосом - это не мотивировано, это бросается в глаза. Никто не станет удивляться, если ребенок дошкольного возраста говорит глупости, шутит, играет, но, если ребенок строит из себя шута и этим вызывает осуждение, а не смех, это производит впечатление немотивированного поведения» [7].

Когда Л.С. Выготский как дефектолог рассматривает процессы обратимости мысли в действие и наоборот, превращения действия в мысль, перед нами раскрывается его философское видение диалектических процессов человеческой психики: «путь от созерцания к абстрактному мышлению и от него к практическому действию есть путь превращения косной и тугоподвижной динамики ситуации в подвижную и текучую динамику мысли и обратного превращения этой последней в разумную, целесообразную и свободную динамику практического действия» [8, с. 252].

Нельзя не поразиться чуткости ученого детской природы, когда мы читаем полемику Л.С. Выготского, в которую он пускается заочно с Ж. Пиаже по поводу эгоцентрической речи ребенка. Ж. Пиаже утверждал, что «эгоцентрическая речь ... есть побочный продукт детской активности..., выражение несовершенства детского поведения. Функционально она ни для чего не нужна, генетически она не имеет перспективы развития, а просто осуждена на медленное отмирание и свертывание» [8, с.198-199].

Л.С. Выготский был принципиально не согласен с Ж. Пиаже в следующем: «... она ... не может рассматриваться, как побочный продукт детской активности... ребенок реагирует эгоцентрической речью преимущественно тогда, когда его основная деятельность натывается на препятствие, затруднение, прерывается в естественном течении... эгоцентрическая речь в поведении ребенка очень рано начинает выполнять интеллектуальные функции, т.е. начинает служить средством мышления» [8, с. 200].

Но Л.С. Выготский разделял мнение Ж. Пиаже, а еще раньше эту мысль

высказывали ученые Д. Болдуин и Э. Риньяно о том, что истоки детского диалектического мышления берут свое начало в споре. Это означает, что два спорщика рано или поздно виртуально перемещаются внутрь личного сознания, и в дальнейшем оттуда продолжают свой спор, диалог, становясь орудиями динамического процесса мышления... Это очень похоже на карнавальные структуры сознания, о которых 60 лет спустя в 90-годы напишут в статье «Элементы карнавальной культуры в развитии ребенка-дошкольника» (1994) Н.Е. Веракса, О.М. Дьяченко, (о которых мы уже упоминали выше). Эти исследователи одни из первых в отечественной психологии, сделавшие попытку адаптировать концепцию карнавализации М.М. Бахтина к дошкольной педагогике.

Л.С. Выготский совершенно точно уловил, что у ребенка в возрасте 7-ми лет, внутренняя жизнь резко усложняется, вступая в острое противоречие с внешней формой выражения. Л.С. Выготский «разоблачает» ребенка-притворщика, считая, что «ребенок просто строит из себя Шута, таковым на самом деле больше не являясь».

На страницах статьи «Кризис семи лет» Л.С. Выготский с поразительной пронизательностью обращается к образу Ч. Чаплина, указывая на то, что его персонаж смешон и трогателен именно тогда, когда ведет себя с детской непосредственностью и наивностью. Другими словами, когда взрослый человек на наших глазах невольно или сознательно предается «эволюционному бегству» [15], то есть, «впадает в детство», например, когда неловко опрокидывает ложку с едой себе на чистую рубашку, становясь на некоторое время, трогательно-беспомощно-растерянным, как дитя... Одним словом клоун - это «Великий Немой». В этой мысли Л.С. Выготского очень созвучны размышлениям З. Фрейда о наивности ребенка. З. Фрейд очень глубоко исследовал природу детского комизма и смеха, в связи с чем, в круг его внимания попало такое детское явление как невольное остроумие, вызывавшее у Л.С. Выготского большой интерес в интерпретации Фрейда [11].

Л.С. Выготский задавал вопрос: «Что скрывается за впечатлением наивности и непосредственности поведения ребенка до кризиса? Наивность и непосредственность означают, что ребенок внешне такой же, как и внутри. Одно спокойно переходит в другое, одно непосредственно читается нами как обнаружение второго. Какие поступки мы называем непосредственными? У взрослых людей детской наивности, непосредственности очень мало, и наличие их у взрослых производит комическое впечатление. Например, комического актера Ч. Чаплина отличает то, что, играя серьезных людей, он начинает вести себя с необычайно детской наивностью и непосредственностью. В этом главнейшее условие его комизма» [7].

Л.С. Выготский, как нам кажется, все-таки не представлял процесс формирования личности ребенка как историю развития взаимоотношений ребенка с его «клоунской маской». Игра с маской, по нашим многолетним наблюдениям за детьми, занимает у дошкольников, часто в завуалированной форме, значительную часть свободного времени. По нашему предположению, изменяется, усложняется клоунская маска ребенка по мере его развития. И

проявляется это, действительно, как заметил Л.С. Выготский, во многом в феномене детской эгоцентрической речи. Поэтому, подходя к 7-ми летнему рубежу, ребенок не просто «кривляка», который капризничает и паясничает, изображая жалкое подобие Шута, а сложная индивидуальность, которая имеет уже историю развития взаимоотношений со своей «клоунской маской», биографию своего карнавального парадоксального мира.

Именно в этот период у ребенка просыпается способность улавливать амбивалентность чувств, поступков, мыслей своих, окружающих. Об этом Л.С. Выготский конечно пишет, хоть и другими словами, называя этот процесс дифференциацией внутренней и внешней жизни ребенка, когда в переживания вклинивается интеллектуальный момент. А нам, избалованным свободой постмодернизма и карнавальной культурой М.М. Бахтина, так не хватает у Л.С. Выготского слов: «карнавальный», «парадокс», «клоун».

Все это нас навело на следующие вопросы: может ли являться критерием «личностного развития ребенка» «разнообразная, насыщенная жизнь его игрового карнавального-клоунского персонажа», который растет вместе со своим «хозяином»? Возможно, именно с переходом в фазу кризиса 7-ми лет, у ребенка, появляется качество, сходное с Чаплиным-автором, рефлексирующим, (наблюдающим) как бы со стороны за своим персонажем?

После некоторого погружения читателя в вопросы детской дефектологии, в природу амбивалентности человеческой психики ему уже не должно казаться, что «карнавал в одиночестве» – это патология, или еще хуже о раздвоение личности. Поэтому если присмотреться к детям более внимательно, то станет очевидно, что ребенок и в 5, и в 6 лет, и в 7 и в 8, очень часто увлеченно играет совершенно один. Кстати об этой детской игре в полном одиночестве Л.С. Выготский пишет в «Психологии искусства». Ну, а для того, кто существует в карнавальном мире, как известно, не существует разделения на актеров и зрителей, - вспомним М.М. Бахтина и его манифест карнавальной свободы.

И кризис 7 лет, и кризис клоуна, и феномен эгоцентрической речи, – все это не эволюционные процессы, а скачки, прорывы, чудо преображения, когда дух прорывается в мир материи и поворачивает законы природы вспять... Но только вот происходит это не в строго серьезном ключе, а в карнавальном, игровом, хаотическом...иногда внешне безобразном и даже патологическом... Ведь часто материя так неповоротлива и медлительно-аморфна, что прорывы духа, выглядят, внешне нелепо, смешно, глупо, вычурно, нарочно, как вертлявость, кривляние. Так, наверное, и появилось выражение «Формальная диалектика», которое произнес С. Эйзенштейн применительно к своей теории комического [25]. Это, например, когда мы выхватываем из реальности фрагмент и фиксируем его словно фотографической вспышкой. За кадром, таким образом, остается вся предыстория жизни объекта нашего интереса (до и после вспышки). Поэтому и то впечатление «комического», которое производит, например, картинка комикса, случайно, увиденная нами вне контекста всей истории, скорее всего, будет поверхностно, и формально, так как законы динамики (процессуальности) мы применили к строго статичной ситуации (субъект сидит в луже). Но вот ответить на вопросы: А почему?

Что этому предшествовало? Что последует за этим? Может он через минуту утонет в этой луже? А что если это был величайший тенор Италии? Согласитесь, ведь это меняет дело, хоть на картинке и был изображен всего лишь забавный толстяк, растянувшийся в луже. Примерно также обстоит дело и с формально-поверхностным восприятием ребенка в состоянии кризиса в качестве «шута».

Юмористической рефлексии, по нашему мнению, предшествует «карнавальная рефлексия» (наше рабочее понятие), только карнавальная она своеобразно, по-своему, по-детски, у нее особые принципы и законы. Карнавальная рефлексия у ребенка формируется, когда еще не дифференцированно «Я», нет еще ощущения личности, поэтому образы, которые дети часто создают, очень напоминают карнавальные образы взрослого мира, только вся разница в том, что дети создают их без всякого намека на «карнавальный контекст». Как отмечает К.И. Чуковский, дети еще настолько сильно путаются в закономерностях этого мира, что их «абракадабра» выглядит вполне карнавально: «Папа, а когда ты был маленький, ты был мальчик или девочка?», «Мама, кто раньше родился, ты или я?», «У Юры в носу понос», «Ой, мама, меня под коленкой тошнит!» [23]. Поэтому детский карнавал можно назвать «карнавал поневоле», в котором носители карнавальных образов представляют собой нечто подобное Дон-Кихотам, которые всерьез воспринимают, что сражаются с ветряными мельницами, как с рыцарями. А зрители (взрослые), кто наблюдает за Дон-Кихотом (ребенком) часто подыгрывают им, пытаясь достраивать детское псевдокарнавальное пространство до настоящего абсурда. Часто это происходит, когда взрослые продолжают начатую ребенком.. И тогда сюжет развивается один в один по законам «Грамматики фантазии Д. Родари», дети начинают постепенно замечать оттенки юмора, иронии, в том, что говорят взрослые, или начинают сомневаться в том, что говорят родители... пытаюсь проверить слова родителей на предмет их правдивости.

Ребенок приобретает карнавальный опыт не в отдаленной перспективе будущего, после того, как полностью усвоены нормы и правил, а интуитивно стремится дополнить картину мира карнавальным содержанием сразу же... Но большая ошибка многих родителей в том, что они используют «застывшие карнавальные мифы взрослых о рождении, о смерти», искажающие у ребенка представление об этих категориях, что уже заведомо делаем из ребенка «дурака». А мы (родители) охотно подыгрываем ему в поддержании и раскрашивании этих мифов, терпеливо ожидая момента, когда дитя подрастет, и можно будет сказать правду...

Бывает, и это очень часто, прямое попадание детской фантазии в карнавальные образы. Это связано, главным образом, с детскими представлениями о смерти и рождении. Здесь дети мыслят почти по-взрослому, классически карнавально. Им дано свыше это особое ощущение жизни и смерти, назовем его условно, поэтико-комическо-практическое, которое мы взрослые утрачиваем с годами: «Все умрут, а я останусь...», «- Знаешь, мама, я думаю, люди всегда одни и те же: живут, живут, потом умрут. Их закопают в землю. А потом они опять родятся...», «...Дядя, а ведь, знаете, умереть – это очень плохо. Ведь это на всю жизнь!», «Хоронят старых людей, - это их в землю сеют, а из них маленькие

вырастают, как цветы» [23, С.141].

Но в целом, детский карнавал в возрасте от двух до пяти можно назвать в духе З. Фрейда «карнавалом случайного остроумия» или «невольного комизма». Это объясняется тем, что ребенок пытается выстроить взаимосвязи между явлениями, которые он уже усвоил (а усвоенного в его арсенале еще немного), объяснить для себя неизвестное известным. Поэтому его замещения и производят внешний комический эффект (на взрослых), хотя часто дети сами приходят в восторг и смеются от того, что им пришло в голову то или иное открытие (умозаключение, идея, сравнение, вопрос и т.д.). Именно в тот момент, когда ребенок смеется над тем, какой он молодец и как он здорово все придумал – это уже проблеск (зачатки) юмористической «индивидуализированной рефлексии», пробуждение личностного отношения к миру, к себе, к окружающим. Это уже свидетельство того, что ребенок активно овладевает определенным объемом знаний, обобщений, закономерностей. Это уже есть формирование у ребенка мировосприятия. Любопытную историю приводит Л.С. Выготский в своем психологическом очерке «Воображение и творчество в детском возрасте», которую рассказала дочь психолога Гроса, девочка пяти с половиной лет. Этот пример показывает, насколько ребенок еще смешивает понятия, величины, времена, но, тем не менее, на этом примере видно насколько сильна у ребенка тяга к преувеличению, гиперболизации реальности. Считаем уместным привести цитату этой истории: «Был однажды король, у которого была маленькая дочка. Дочка лежала в колыбели, он подошел к ней и узнал, что это была его дочь. После этого они отпраздновали свою свадьбу. Когда они сидели за столом король сказал ей: «Принеси, пожалуйста, пива в большом стакане. Тогда она принесла ему стакан пива, вышиной в три аршина. После этого они все уснули, кроме короля, который их сторожил, и если они еще не умерли, то живы и до сих пор» [6, с. 22]. Л.С. Выготский делает следующее заключение на основании этой истории: «Мы видим, что преувеличение, как и воображение вообще, одинаково нужно в искусстве, как и в науке. Не будь этой способности, так комично проявляющейся в сказке девочки пяти с половиной лет, человечество не могло бы создать астрономию, геологию, физику» [6, с. 23].

По логике, казалось бы, когда основные азы усвоены, и наступает пора относительно раскрепощенного «игрового манипулирования» реальностью, когда мало-помалу у ребенка формируется сознательный интерес к деятельности по приданию объектам бытия «смехового статуса» (термин взят нами из диссертационного исследования Комаровой Т.С. «Смеховой портрет» как средство характеристики персонажа в творчестве Достоевского 1846-1859 г. г., 2008), тогда-то и должен расцвести в ребенке «парадоксалист».

Л.С. Выготский, как раз и увидел у ребенка в 7 лет затухание Клоуна-наива: «Это не значит, что кризис семи лет приводит от непосредственного, наивного, недифференцированного переживания к крайнему полюсу, но, действительно, в каждом переживании, в каждом его проявлении возникает некоторый интеллектуальный момент» [7]. А значит, что с семи лет ребенок усложняется: а это означает, что если раньше, ему кроме наивности и непосредственности от клоуна мало еще чего доставалось, то сейчас в связи с появлением

дифференциации внутреннего и внешнего в переживаниях и вклиниванием интеллектуального момента между этими переживаниями его клоунская сущность может импровизировать более свободно. В связи с этим постепенно ребенку открываются такие, ранее недоступные ему, формы клоунского мышления, поведения как метафизическая клоуна, анархическая клоунада, поэтико-романтическая клоунада, абсурдистская и др.

Л.С. Выготский писал о том, что 7-летний ребенок быстро вытягивается в длину, и это указывает на ряд изменений в организме. Этот возраст ученый назвал «возрастом смены зубов», «возрастом вытягивания». Возможно, если бы Л.С. Выготский жил в эпоху постмодернизма, и пользовался бы карнавальным тезаурусом М.М. Бахтина, то сравнил бы этот возрастной период организм ребенка с вечно незавершенным «гротескным телом» карнавала. М.М. Бахтин писал, что «Гротескное тело, ... – становящееся тело. Оно никогда не готово, не завершено: оно всегда строится ...» [1]. Именно на эти метаморфозы указал и Л.С. Выготский, назвав этот детский период возрастом «Смены зубов» [7].

Можно предположить, что одной из причин кризиса семи лет является то, что детское «гротескное тело», требующее по своей логике во многом карнавального гротескного поведения вдруг попадает преждевременно в совершенно непривычную, и отнюдь некарнавальную среду - школу (про среду Л. С. Выготский пишет в конце статьи «Кризис семи лет»). Ведь ребенок в семь лет также как и в три и в пять лет осознает свое тело в общемировом контексте, используя для этого карнавальные приемы. В своей замечательной книге «Секретный мир детей в пространстве мира взрослых» автор М.В. Осорина приводит в пример детскую игру «куча-мала», в которой дети с огромным удовольствием валяются на земле. Это стремление детей к земле автор объясняет тем, что ребенок «обнимаясь», например, в игре с другими детьми начинает ощущать границы своего тела, своего я, а также в то же время чувствует себя частью чего-то всеобщего, вселенского [19].

Но в школе ребенку предлагаются совершенно другие игры, и роли (социоролевые игры, игры-драматизации и пр.). Может быть, поэтому у ребенка происходит раскоординация его «гротескного тела», потому и начинает оно неорганично, «со скрипом» проявлять свои карнавальные приспособления, выражающиеся в нелепых ужимках, паясничании, кривлянии не к месту, непослушании и прочем. Но все дело в том, что ребенок изменился, другими словами, в нем появился кто-то второй, «двойник», который отстраняется от мира, смотрит на все со стороны, рассуждает «молча», анализирует и вслух и про себя...

Как раз подобные масочные проявления мы и наблюдаем у ребенка в семь лет. Но Л.С. Выготский отнес и эти проявления ребенка к побочным явлениям главных процессов новообразований. Мы же считаем, что все наоборот. Именно за фасадом «масочных проявлений» скрываются в этот период основные революционные психофизиологические процессы. Другими словами симптомы кризиса проявляются как раз в том, что нет масочных проявлений: нет кривляний, нет ужимок, нет ломаки и Шута. Вот тут надо бить тревогу. Ребенок, в период кризиса, интуитивно изобретает приемы клоунады, чтобы найти точки соприкосновения со своим изменяющимся у него на глазах телом, с предметным

миром, с миром взрослых. ... Хотя и здесь тоже все индивидуально...

Проделав определенный путь в исследовании кризиса семи лет в изложении Л.С. Выготского, а также имея свое видение феномена «клоунады» в контексте детской психологии и педагогики, позволим дать свою обобщающую формулировку понятию «Клоунада» в контексте детской возрастной одаренности, раскрывающуюся в нескольких основных положениях.

Клоунада рассматривается нами как ведущее качество развивающейся детской личности в 7 лет, именно, как незаменимый этап его культурного развития. Мы считаем, что клоунада - это фундаментальное свойство общечеловеческой одаренности, своеобразно и автономно проявляющееся на уровне психо-физио-духовной потребности в доступных видах карнавальной активности (негативизм, антиповедение, мета-нормативное поведение, антитеза, игра с клоунской маской) уже в дошкольном возрасте (5-7 лет), инстинктивно, и вне зависимости от того, знаком ли ребенок с тем, что такое «Клоун», и соответствует ли его представление о клоунаде миру взрослых или нет.

Дети на самых различных исторических этапах эволюции (различные формации детства): квазидетство, развитое детство, в той или иной степени похожи между собой, именно тем, что самостоятельно «карнавализуют жизнь», вне зависимости от уровня развитости карнавальной культуры взрослых в данной общности. Кроме того, если даже карнавальная активность детей не встречает поддержки со стороны взрослых, она какое-то время не угасает, и, как правило, не заменяется на другие виды деятельности, которые распространены в данном обществе. Это объясняется, прежде всего, физиологической потребностью организма в карнавальной активности в определенном возрасте. Затухает она, или идет на спад, как правило, когда ребенок переживает переходный возраст 11-14 лет. По нашему мнению, природа клоунады коренится в родовой человеческой памяти в качестве архетипа трикстера, а также заложена в потенциале каждого, как интегральное качество личности, становится актуальным, (реализуясь) только в специфически-развитом виде творческой активности, (карнавальной деятельности) на таком историческом этапе развития культуры, которая имеет в лице детства основной генератор форм карнавальной активности, к числу которых относится феномен «Клоунады развитого детства». Итак, мы предполагаем, что Феномен современной клоунады – результат исторической трансформации развитого детства. Трикстер - персонифицированный вид дионисической стихии, которая представляет собой поток бессознательного, инстинктивного, творческого, хаотического. Клоунада – живая (подвижная) диалектическая система, наиболее органически совпадающая по динамике протекания с внутренней жизнью ребенка в возрасте старшего дошкольника и младшего школьника, вмещающая и оформляющая внутреннее бескрайнее содержание трикстерной стихии ребенка. Для ребенка клоунада – как один из созвучных его мировосприятию карнавальных видов искусства, приводящий «дионисическую стихию» к конкретной форме, который служит способом упорядочивания «хаотического содержания», которое продуцирует ребенок посредством «трикстерской активности» через общение с миром посредством «клоунской маски», игры, карнавализации и т.д. Чтобы «клоунский

инстинкт» уже в детском возрасте запустил полноценную карнавальную художественно-эстетическую деятельность в дальнейшем (в подростковом, юношеском, зрелом возрасте), нужен развитый в этом вопросе культурно-исторический период, когда достигнуты определенные высоты в карнавальной культуре взрослого сообщества. В частности, решающую роль имеют примеры индивидуально-личностной карнавальной культуры взрослых.

Наше представление о личности основывается на философском мировоззрении Н.А. Бердяева и его взгляде на личность и индивидуальность. Согласно Н.А. Бердяеву человеческая личность – изначально парадоксальна, так как она находится в постоянном изменении и в то же время остается сама собой. Ребенок уже в 7 лет сталкивается именно с такой задачей, которую приходится разрешать по отношению к своему духовно-душевно-телесному «Я», ведь все эти проявления дифференциации внутреннего и внешнего, появление рефлексивного момента в переживаниях, оценка ощущений: «Это Я чувствую», «Это я так считаю»... - именно такая задача владельца «духовно-душевно-телесного единства (потенциальной личности). Мы считаем, что исхождение и восхождение личности (из личности, к качеству – личности) осуществляется по законам диалектики и ребенок уже с рождения помещен в «круг парадоксальных задач, которые ставит перед ним его собственная телесная природа, психическая, духовная, творческая...», далее культура, наука... Он... человек(личность) «духовное чувствилище», которое изначально потенциально избыточен и не вмещается в физическое время, в этом и есть

Достаточно назвать хотя бы несколько позиций Н.А. Бердяева, из которых станет ясно, насколько личность пропитана «парадоксальностью», а потому категории «личность», «индивидуальность», «трикстер», «клоун»- имеют общую глубинную мистическую основу. Клоун - понимается нами в данном контексте как личность, реализующая себя в неадаптивных избыточных формах карнавальной активности.

Вот несколько универсальных парадоксов личности, которые приводит Н.А. Бердяев, вполне совпадающие с портретом трикстера, клоуна, ребенка: «Я говорю «я» раньше», чем сознал себя личностью. «Я» первично и недифференцированно, оно не предполагает учения о личности. «Я» есть изначальная данность, личность же есть заданность. Я должен реализовать в себе личность, и эта реализация есть неустанная борьба. Сознание личности и реализация личности болезненны. Личность же есть категория духовная... Личность целостна, в нее входит и дух, и душа, и тело. Личность есть также сохранение цельности и единства, сохранение все того же единого, неповторимого образа в постоянном изменении, творчестве и активности. Тождество и индивидуальность тела сохраняется при полном изменении материального состава. Личность предполагает существование темного, страстного, иррационального начала, способность к сильным эмоциям и аффектам и вместе с тем постоянную победу над этим началом. Личность имеет бессознательную основу, но предполагает обостренное самосознание, сознание единства в изменениях. Личность должна быть открыта ко всем веяниям космической и социальной жизни, ко всякому опыту, и вместе с тем она не должна,

не может в космосе и в обществе [2].

Несмотря на то, что на сегодняшний день, наблюдение Л.С. Выготского за ребенком семи лет, как за клоуном, который скрывается за маску, настолько в духе концепции «карнавализации» М.М. Бахтина, что вполне вписывается в современную педагогику «постпостмодернизма», когда «ирония», «карнавальная игра», стали проникать в детскую педагогику и психологию, данное «открытие» ученого остается без должного внимания научного мира. Наше предположение состоит в том, что если бы вслед за Львом Семеновичем детская дефектология и педагогика более внимательно присмотрелась к природной эксцентричности аномального и нормального детства, стремясь раскрыть каждому ребенку клоунскую сущность, возможно, сегодня открылись бы новые неизведанные пространства на территории детства.

Вместо заключения очень уместным нам кажется привести один пример, рассказанный В.И. Полуниным в одном из газетных интервью «Еще Станиславский говорил: нытиков и критиков вон из театра», который очень точно отражает представления большинства русских о карнавале: «...Подходит русский: «Я слышал, вы русские. Нам сказали, что где-то здесь карнавал. Куда-то надо идти?». Я задумался и говорю: «Карнавал всегда здесь и сейчас. Вам надо сейчас пойти бутылочку вина купить (посоветовал им свое любимое). Потом в тот магазин зайти, арендовать себе костюмчики. А потом уже к Вам должны идти как на карнавал, а не вы должны искать карнавал» ... «Карнавал, когда уже не артист выступает для кого-то, а когда сам человек преображается, и праздник происходит внутри него».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1990. - 543 с.
2. Бердяев Н.А. Философия свободного духа, М., «Республика», 1994. – 480 с.
3. Бернштейн Н.А. Биомеханика и физиология движений, М., «Институт практической психологии», 1997. – 608 с.
4. Бим-Бад Б.М., Егорова Л.И. Категория амбивалентности в теории воспитания человека//М., Педагогика, №7, 2008, с.8-17.
5. Веракса Н.Е, Дьяченко О.М. Элементы "карнавальной культуры" в развитии ребенка-дошкольника // Вопр. психол. 1994. № 2. с. 77-87.
6. Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте. Психологический очерк, М. «Просвещение», 1991. – 93 с.
7. Выготский Л.С. Кризис семи лет, // Собр. соч.:В 6 т. - М, 1984. - Т. I. - С. 376-385.
8. Выготский Л.С. Основы дефектологии, Собр. соч. в 6 т., Т.5, М., «Педагогика», 1983. – 368 с.
9. Выготский Л.С. «Педагогическая психология», М. «АСТ, Астрель, ЛЮКС» 2005. – 671 с.
10. Выготский Л.С. Проблемы дефектологии, М. «Просвещение», 1995. – 527 с.
11. Выготский Л.С. Психология искусства, М., «Лабиринт», 1997 – 416 с.
12. Гожев К.М., Юрков С.Е. Понятие «метанормативное поведение» и его границы, Журнал «Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена», №10, том 5, 2005, с. 268-272, открытый интернет ресурс: <http://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-metanormativnoe-povedenie-i-ego-granitsy#ixzz36rgjEOML>.

13. Кащенко В.П. Педагогическая коррекция, М., «Просвещение», 1994. – 223 с.
14. Козинцев А.Г. Человек и Смех, Спб., «Алетейя» 2007. – 236 с.
15. Козинцев А.Г. Эволюционное бегство: С.М. Эйзенштейн и эстетика комического//StudiaCultura., 2011 № 12, с. 7-29.
16. Кудрявцев В.Т. Дар воображения – природа и развитие//Одаренность: рабочая концепция, М. 2002, с.38-47.
17. Кудрявцев В.Т. Феномен детской креативности // Дошкольное воспитание.-№3.-2006.-С.71; №5.-2006.- с.71; №2.-2007.- с.18.
18. Ницше Ф. Веселая наука, М., «ОЛМА-ПРЕСС», 2001.
19. Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых, Спб. «Питер», 2011.
20. Родари Д. Грамматика фантазии, Введение в искусство придумывания историй, М., «Прогресс», 1978. – 206 с.
21. Сухарева Г.Е. К проблеме структуры и динамики детских конституционных психопатий (шизоидные формы)//Журнал невропатологии и психиатрии, 1930, №6.
22. Фрейд З. Я и Оно, М., «ЭКСМО», Х., «ФОЛИО»2005. - 864 с.
23. «Цирк уехал, и клоуны разбежались. Жаль»// Культура, 19-25 июля 2001 года, http://www.smotr.ru/pressa/inter/cul_polunin.htm.
24. Чуковский К.И. От двух до пяти, М., «Детская литература», 1962. – 366 с.
25. Эйзенштейн С.М. Нравнодушная природа, Собр. Соч. в 6 т., т.3, М., «Искусство», 1964, с. 37-433.
26. Эйзенштейн С. М. Психологические вопросы искусства // Под ред. Е.Я. Басина. – М.:Смысл,2002. – 335 с.